

Спасибо, что живой: этнос после реквиема

Максим Евгеньевич БУЛАНЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, maxim.bulanenko@gmail.com

Андрей Владимирович ПОПОВКИН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, andrey.popovkin@gmail.com

Аннотация. На протяжении столетий разделение человечества на этносы казалось естественным отражением наблюдаемых различий в человеческих сообществах. С точки зрения философии науки этнос представляет собой теоретический предмет, существование которого принимается для объяснения данных наблюдения. Однако в последние десятилетия реальность теоретических предметов была подвергнута сомнению сторонниками конструктивистского подхода в философии науки. Идентичность этноса, а вслед за ней и само его существование, оспаривались из-за нечёткости его границ и изменчивости во времени. Между тем этнос в этом отношении ничем не отличается от многих других предметов, идентичность и существование которых признаются без возражений. Это обстоятельство, а также обширные объяснительные возможности, проистекающие из признания реальности этноса, позволяют с достаточной уверенностью заключить к его существованию. В отечественной этнологии реалистический и конструктивистский подходы нередко связываются с именами С.М. Широкогорова и В.А. Тишкова, поэтому вопрос о существовании этноса обсуждается в статье с преимущественным вниманием к их позициям.

Ключевые слова: этнос, этничность, философия науки, реализм, конструктивизм, теоретические предметы, объяснение

Для цитирования: Буланенко М.Е., Поповкин А.В. Спасибо, что живой: этнос после реквиема // Известия Восточного института. 2023. № 1. С. 55–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/55-63>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/55-63>

Thanks for staying alive: ethnos after its funeral mass

Maxim E. BULANENKO

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, maxim.bulanenko@gmail.com

Andrey V. POPOVKIN

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, andrey.popovkin@gmail.com

Abstract. For centuries, the division of humankind into ethne seemed quite natural in the light of the observed differences in human communities. From the point of view of the philosophy of science, ethnos is a theoretical entity, the existence of which is assumed in order to explain observational data. However, in recent decades, the reality of theoretical entities has been doubted by the adherents of the constructivist approach in the philosophy of science. The main objection against the existence of ethnos is the lack of identity due to its fuzziness and change over time. Meanwhile, there is no striking difference in this respect between the ethnos and many other entities, the identity and existence of which are indisputably recognized. This, taken with the significant explanatory power arising from the reality of the ethnos, makes the existence of ethnos as a theoretical entity almost certain. In Russian ethnology, realist and constructivist approaches are often associated with S.M. Shirokogoroff and V.A. Tishkov respectively. For this reason, their views can serve as a convenient starting point for discussing the ontological status of the ethnos.

Keywords: ethnos, ethnicity, philosophy of science, realism, constructivism, theoretical entities, explanation

For citation: Bulanenko M.E., Popovkin A.V. Thanks for staying alive: ethnos after its funeral mass // Oriental Institute Journal. 2023. № 1. P. 55–63. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-1/55-63>

τὸ κατ' εἶδη δύνασθαι διατέμνειν κατ' ἄρθρα ἢ πέφυκεν
("умение разрезать по видам вдоль естественных сочленений")
Платон, Федр 265e

依乎天理，批大郤
("следуя за естественными волокнами, режу сочленения")
Чжуан-цзы, Главное для долголетия
(пер. Л.Д. Позднеевой)

Введение

Сразу оговоримся, что наша статья задумана не как вклад в этнологические исследования, а как попытка ответить на важный вопрос из области философии науки, имеющий значение не только для этнологов. Повод для написания статьи дала книга В.А. Тишкова "Реквием по этносу", обсуждению которой несколько лет назад было посвящено специальное заседание методологического семинара ИИАЭ ДВО РАН. Хотя эта книга вышла ещё в 2003 г., влияние представленного в ней конструктивистского подхода¹ на российскую науку не ослабевает, а напротив, с годами даже растёт (наш семинар как раз был призван прояснить характер этого влияния). Между тем Владивосток в силу исторических обстоятельств оказался связан с теорией этноса С.М. Широкогорова, которую, в противовес подходу В.А. Тишкова, можно было бы назвать реалистической. О С.М. Широкогорове мы вспомнили не для того, чтобы установить произвольную историческую преемственность, а потому, что он стоит у истоков представлений об этносе как самостоятельном существующем теоретическом предмете. Правда, у самого С.М. Широкогорова представление об этносе с течением времени менялось: в поздних произведениях он рассматривал этнос как процесс, в котором участвуют этнические общности. Однако в отечественной литературе этнос и этническая общность традиционно понимаются как синонимы, и далее мы будем следовать этой традиции.

Если говорить коротко, то интересующий нас вопрос состоит в следующем: достаточны ли приведённые С.М. Широкогоровым основания для признания существования этноса как теоретического предмета и достаточны ли возражения В.А. Тишкова для опровержения его существования? Обе части вопроса вполне могли бы получить отрицательный ответ (из чего, впрочем, ещё не следовало бы ни существование этноса, ни его несуществование). Но, забегая вперёд, сразу скажем, что на первую часть вопроса мы в итоге отвечаем положительно, а на вторую – отрицательно (из чего, в свою очередь, следует, что этнос, по-видимому, существует). Далее мы постараемся обосновать свой ответ. Но прежде совершим небольшой экскурс в философию науки для уточнения содержания понятий и теорий, существенных для дальнейшего обсуждения.

Ненаблюдаемые (теоретические) предметы и основания для их включения в научные теории

В философии науки принято различать *наблюдаемые*² и ненаблюдаемые (*теоретические*) предметы (слово "предмет" следует здесь понимать в самом широком смысле – как эквивалент слов "что-то" или "нечто"). В теориях допускается существование ненаблюдаемых предметов (например, кварков в ядерной физике), так как с их помощью становится возможным *объяснение* тех данных, которые учёные получают в ходе наблюдений³.

Стоит отметить, что теоретические предметы в *естественных науках* и теоретические предметы в науках о *человеке* и *обществе* отличаются по своему характеру

¹ В связи с использованием В.А. Тишковым конструктивистского подхода ср. [5, с. 139].

² Наблюдаемое можно понимать в более узком или более широком смысле (как непосредственное восприятие предметов органами чувств или же как восприятие, опосредованное приборами), однако определяющей для него в любом случае будет доступность предмета для восприятия органами чувств. В связи с этим ср. [12, р. 62–66].

³ Подробнее об этом см. [12, р. 54–70].

ру: если в естественных науках они, как считается, часто имеют *физическую* природу⁴, то в науках о человеке и обществе – *психическую* (например, намерения того или иного сознательного деятеля) или *абстрактную* (например, типы культуры). Но теоретические предметы бывают абстрактными не только в науках о человеке и обществе: абстрактным теоретическим предметом является, например, биологический вид, а также, вероятно, ген (так как несмотря на различные физические изменения вследствие мутаций участки ДНК могут считаться образцами одного и того же гена).

Виды объяснений в науке. Диспозиционные свойства

Самыми распространёнными видами объяснений в науке являются *каузальные* и *интенциональные* объяснения. Первые показывают, каким образом одни события становятся причинами возникновения других событий в соответствии с уже известными или только предполагаемыми *законами*, а вторые – как события совершаются в результате осуществления *намерений* сознательных деятелей. Хотя естественные науки (за исключением биологии) не используют никаких других объяснений, кроме каузальных, область их применения не ограничивается только естественными науками, но отчасти распространяется и на социальные и гуманитарные науки – там, где уместно объяснение поведения людей на основе так называемых *диспозиций*. Диспозиция имеет место тогда, когда некоторое свойство *необходимым* образом актуализируется у его носителя в условиях, соотносённых с этим свойством (что позволяет назвать диспозицию элементарным законом поведения)⁵. Например, если Василию присуща пунктуальность и, будучи обязан явиться в то или иное место к определённое времени, он при прочих равных условиях (нормальная погода, отсутствие значительных препятствий на пути, приемлемое состояние здоровья и т.д.) всегда приходит туда самое позднее точно вовремя, то в этом случае будет *prima facie* оправданным говорить о наличии у него соответствующей диспозиции. Полноценные диспозиционные объяснения крайне редки (из-за трудностей, связанных с точным установлением всего множества релевантных условий) и, как правило, замещаются *попытками* объяснений на основе некоторых поведенческих тенденций. Тем не менее они могут рассматриваться в качестве полезных идеализаций в стремлении понять причины индивидуального и коллективного поведения.

Существование теоретических предметов: реалистический и конструктивистский подход

Существование теоретических предметов небесспорно, причём речь идёт не о тех или иных определённых теоретических предметах, существование которых некогда было признано учёными (таких как электроны, гены или шизофрения), а о теоретических предметах вообще. Главное основание для сомнения в их существовании состоит в том, что в истории науки одни и те же данные наблюдения объяснялись через допущение разных теоретических предметов, причём многие из них были позже объявлены несуществующими (среди них флогистон и миазм, теплород и эфир, матриархат и классовое сознание, истерия и Эдипов комплекс). Хотя из подобного рода затруднений ещё не следует логически несуществование теоретических предметов, однако подобного рода "пессимистическая индукция" кажется многим довольно убедительной.

Тем не менее наиболее распространённая среди учёных и философов науки точка зрения заключается в том, что теоретические предметы не менее реальны, чем наблюдаемые. Для обоснования этого, как правило, используются те или иные разновидности индуктивного аргумента от наилучшего объяснения: допущение существования *теоретических* предметов позволяет наилучшим образом объяс-

⁴ Например, одни ненаблюдаемые элементарные частицы при столкновении с мишенью выбивают из неё другие ненаблюдаемые элементарные частицы, которые оставляют следы в пузырьковой камере Вильсона.

⁵ О диспозициях как элементарных законах поведения см. [10, S. 146–156].

нить существование и свойства *наблюдаемых* предметов⁶, значит, теоретические предметы действительно существуют. Однако этот аргумент является не строго логическим, а лишь более или менее правдоподобным, так что позиция теоретических реалистов оказывается уязвима для критики со стороны их противников. Последние полагают, что теоретических предметов на самом деле не существует, а их допущение имеет инструментальный характер и предназначено исключительно для более удобного описания и обобщения эмпирических данных. Сторонников этого взгляда иногда также называют *конструктивистами*.

Конструктивизм и критический реализм

Но если некая теория утверждает, что мир, каким он предстаёт нам в опыте, зависит от особенностей нашего восприятия и мышления, то этого будет ещё недостаточно для того, чтобы считать её конструктивистской: речь вполне может идти о той или иной разновидности *критического реализма*, который мы находим у И. Канта, С.Н. Трубецкого, Э. Гуссерля или Х. Патнэма. В отличие от конструктивистов они полагают, что наши *истинные* теории описывают *действительное* положение дел в мире, тогда как для конструктивистов сами понятия истинного описания и действительного положения дел лишены смысла: об истине самое большее можно говорить лишь как об отношении между сконструированными предметами и их описанием внутри отдельной теории или интерпретации. Известно насмешливое замечание недавно скончавшегося конструктивиста Брюно Латюра по поводу египтологов, будто бы установивших, что Рамсес II умер от туберкулёза: как они могли это "открыть", восклицает Латур, если сам туберкулёз был "открыт" только в 1882 году – через три тысячи лет после смерти Рамсеса!⁷

Конструктивизм или реализм в отрицании существования этноса?

Таким образом, несуществование этноса для конструктивиста едва ли чем-то отличается от несуществования всех остальных теоретических предметов. Однако именно поэтому заменять этнос этничностью или чем-то подобным последовательный конструктивист никогда бы не стал, ведь поступая так, он признал бы, что некоторые понятия лучше описывают действительность, чем другие, а это несовместимо с конструктивистской установкой. Соответственно, если В.А. Тишков призывает отказаться от понятия этноса на том основании, что этому понятию в действительности ничего не соответствует, то он поступает не как конструктивист, а как реалист. Тогда его упрёк сторонникам самостоятельного существования этносов, возможно, заключается в том, что они ошибочно признают существование предметов, которые существовать не могут, так как на самом деле представляют собой фикции, сконструированные другими людьми.

Естественные и менее естественные классификации

Но, как мы уже отмечали выше, нас интересуют не сами взгляды В.А. Тишкова, а лишь его возражения против того, что этнос – это реально существующий теоретический предмет.

Какие же основания имеются для признания реального существования этносов? Мы разбиваем людей на классы в соответствии с их полом, возрастом, характером, профессией. Такие разбиения кажутся нам более или менее естественными, поэтому вплоть до последнего времени мало кто сомневался в реальном существовании тех предметов, которые стоят за соответствующими разбиениями. Разбиение может проводиться и по менее естественным основаниям, и тогда мы вполне вправе сомневаться в том, стоит ли за ним некий самостоятельно существующий предмет или же речь скорее идёт о произвольной классификации, которая показалась нам удобной в имеющихся обстоятельствах (кому-то, напри-

⁶ Например, в ядерной физике наилучшим объяснением возникновения треков в пузырьковой камере служит допущение существования пролетающей на большой скорости ненаблюдаемой элементарной частицы.

⁷ Подробнее см. [9, p. 35].

мер, может прийти в голову классифицировать посетителей оперного театра в соответствии с тем, какие предметы одежды они сдали в гардероб перед началом представления). Вопрос о большей или меньшей естественности разбиения имеет во многом интуитивный характер, но ответ на него при случае вполне может быть достаточным образом обоснован.

Естественность классификации по этносам и её основания

Мы не совершим большого открытия, если скажем, что разбиение людей в соответствии с принадлежностью к этносу на протяжении письменной истории относилось к числу естественных. Как это часто бывает с естественными разбиениями, оно производилось на основе наблюдаемых признаков и образцов поведения, благодаря которым мы отличаем одни сообщества людей от других. Разбиение людей на этносы обычно производилось в соответствии с теми свойствами, которые в своё время перечислял С.М. Широкогоров: наличие общего языка, признание своего общего происхождения, обладание комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящённых традицией и отличаемых от обычаев и уклада жизни других подобных сообществ [7, с. 42]. Этот перечень можно уточнять или подчёркивать становящийся, процессуальный характер этноса, как это делал С.М. Широкогоров в своих поздних работах, но трудно спорить с тем, что выделенные им свойства казались и кажутся большинству людей на протяжении истории естественным основанием для разбиения человечества на этносы.

Возражения против существования этноса

Итак, если разбиение людей на этносы казалось естественным уже в древности (так что Геродота иногда даже называют отцом не только истории, но и этнографии [1, с. 490]) и сохраняет своё устойчивое значение вплоть до наших дней, то возражения против реального существования этноса должны быть очень основательными. Во всяком случае крайне резкая оценка подхода С.М. Широкогорова со стороны В.А. Тишкова наводит на мысль, что у него наготове имеются именно такие возражения:

"Это даже может быть шаг назад, когда авторы, писавшие в начале или в первой половине прошлого века, вдруг становятся основными отсылочными авторитетами со всей их безнадежно устаревшей методологией и наивно-романтическими или обскурантистскими (часто расистскими) воззрениями. Так без должной критической оценки были "возвращены" в современный арсенал науки Ильин, Бердяев, Розанов, Соловьёв, Федотов, Шпет, Широкогоров и многие другие" [6, с. 16–17].

Однако вопреки ожиданиям найти обоснованные возражения в главном произведении В.А. Тишкова оказывается очень непросто. Самое большее из того, что можно там встретить – это уточнения того, что именно кажется ему неприемлемым у сторонников самостоятельного существования этноса:

"Именно схоластичное представление, что некие статистические множества, обладающие культурной гомогенностью, социальной однородностью и даже психической одинаковостью, являются природной основой для социальных субъектов и что на всех этих этапах истории именно такие общности являются главными действующими субъектами, составляет главный порок примордиализма в его отечественном и других вариантах" [5, с. 136].

Нечёткость границ и изменчивость во времени как препятствия для идентичности этноса и его существования

Если отвлечься от того, что эта характеристика этноса является гораздо более логически сильной, чем того требует реалистический подход в этнологии и чем считают достаточным сами сторонники реалистического подхода⁸, то общий смысл риторически перенасыщенного возражения В.А. Тишкова сводится к тому, что *критерии идентичности* для этноса как самостоятельно существующего теоретического предмета в действительности не выполняются, а потому и сам этнос не

⁸ Ср. [2, с. 152–153].

существует. Мысль, высказанная В.А. Тишковым в его книге чуть ранее, как будто подтверждает эту интерпретацию: "культурный облик и границы этнических групп гетерогенны и подвижны, и они не обладают давним и строгим набором общеразделяемых характеристик и ценностей" [5, с. 125].

Таким образом, ни один предмет, который можно было бы идентифицировать как этнос, в действительности не выполняет критерии идентичности для этноса, а в соответствии с труднооспоримым афоризмом У.В.О. Куайна, "no entity without identity" ("предметов без идентичности не бывает"), поэтому отсутствие *идентичности* в самом деле служило бы решающим доводом против существования этноса. Следует, правда, сразу заметить, что проблемы идентичности, на которые намекает В.А. Тишков, не являются типичными именно для этноса, напротив, это общие проблемы идентичности для всех предметов, подпадающих под нечёткие понятия или существующих во времени. Ведь, насколько можно понять из высказываний В.А. Тишкова, он в первую очередь имеет в виду проблему *нечёткости границ* и проблему *изменения во времени*.

Однако при достаточно строгом отношении к этим проблемам нам придётся вычеркнуть из числа существующих все вообще предметы, кроме, пожалуй, некоторых абстрактных (таких как множества). Проблематичным станет, скажем, не только существование Москвы (потому что непрерывно менялись как границы того, что относится к Москве в географическом и культурном отношении, так и сама Москва), проблематичным станет и существование города как такового: существовал ли когда-либо хоть один предмет, который достаточным образом выполнял все критерии идентичности для города (и только их), и притом выполнял их с первого дня своего появления (а с какого дня следует, кстати, начинать отсчёт)? При этом не только простые люди, но и учёные используют понятие города без непреодолимых затруднений и считают, что города естественным образом составляют отдельный вид человеческих поселений.

Нечёткость границ этноса совместима с идентичностью

"Этнос", как и "город", а равно и многие другие понятия, относится к числу нечётких, то есть таких, применение которых к их предполагаемым образцам не всегда может быть осуществлено с достаточной точностью. Если мы говорим о русском этносе, то границы того класса людей, который мы соотносим с этим понятием, будут неизбежно нечёткими. Найдётся немало примеров людей, которые относились к русскому этносу и которые, тем не менее, не владели общим языком (да ведь и сам язык менялся от эпохи к эпохе и от региона к региону), или не имели признанного общего происхождения с другими, или не придерживались каких-то общих обычаев и уклада жизни (которые ведь тоже менялись). И наоборот, есть немало примеров людей, которые не относились к русскому этносу, но при этом владели общим языком, или имели признанное общее происхождение, или придерживались общих обычаев и уклада жизни⁹. И то же самое можно, пожалуй, сказать о любом другом этносе. Ясно, что среди этносов будут те, представители которых в целом больше соответствуют критериям этнической принадлежности, чем представители других этносов. Ясно также, что будут иметься и пограничные случаи, когда почти невозможно определить, имеем ли мы дело с этносом или всё же с общностью какого-то другого рода. Но ровно такие же проблемы возникают при применении любого нечёткого понятия, однако заключать из этого к несуществованию подпадающих под него предметов будет, мягко говоря, преждевременно (было бы замечательно отменить старость на основании нечёткости соответствующего понятия).

⁹ Примеры подобных несоответствий изобильно приводит в своей книге Л.Н. Гумилёв [3, с. 50–61]. Индивидуальные случаи пограничных форм этнической принадлежности описаны в статье [2, с. 145–149].

Изменчивость этноса во времени совместима с идентичностью

Если говорить о проблемах идентичности, связанных с существованием предмета во времени, то, пожалуй, каждый этнос из существовавших в истории непрерывно менялся. Начать с того, что он когда-то возник, или дал существование другим этносам, или разделился на разные этносы, или растворился в других этносах. Однако и из этого нельзя заключить, что никаких этносов никогда не существовало. Иначе пришлось бы заключить, что не существует и биологических видов – ведь на протяжении своей истории они также подвергались непрерывным изменениям, просто гораздо менее заметным на протяжении относительно небольших промежутков времени. Подобным же образом изменялись в истории и государства, и языки, и религии, однако никому не приходит в голову заключать к несуществованию государств, языков или религий. Здесь мы, по сути, имеем дело с той же нечёткостью понятий, о которой говорили выше, но только осложнённой изменениями во времени тех предметов, которые подпадают под соответствующие понятия. Поэтому для отдельных этносов вместо чётких границ (в том числе временных) могут быть указаны только интервалы, внутри которых можно с большей или меньшей степенью определённости говорить об одном и том же этносе, а весь класс так понимаемых этносов и будет настолько можно точным соответствием понятию этноса. Нетрудно увидеть, что исследователи языков, религий и государств поступают подобным же образом, нисколько не сомневаясь в существовании предмета своего исследования.

Аргумент от наилучшего объяснения в пользу существования этноса

Так или иначе, понятие этноса не кажется нам настолько проблематичным, чтобы считать этнос как теоретический предмет несуществующим. Одно этого, разумеется, ещё недостаточно для того, чтобы заключить к *существованию* этноса. Но, как мы видели, этнос вводится и положительным образом – на основе множества наблюдаемых признаков и образцов поведения, более или менее чётко разделяющих людей на такие естественные сообщества, специфика которых полностью не сводима ни к какой другой. Опровержение возможных возражений, с одной стороны, и теоретические достоинства понятия этноса, с другой стороны, оказываются уже вполне достаточны для признания самостоятельного существования этноса.

Ведь, как мы помним, введение теоретических предметов обосновывается аргументом от наилучшего объяснения, а наилучшее объяснение наличия у людей устойчивых общих образцов внешнего вида, материальной, социальной и духовной культуры, поведения и мышления обеспечивается существованием *этноса*, к которому эти люди вместе принадлежат. Объяснения через этнос носят отчасти *интенциональный* (связанный с сознательной передачей общих представлений и ценностных убеждений), отчасти *диспозиционный* характер, причём диспозиционные объяснения делают более понятной не вполне осознаваемую самими носителями передачу образцов мышления и поведения, которые не могут быть редуцированы только к индивидуальному или коллективному интересу¹⁰. Основу для подобных объяснений, по-видимому, пытался заложить и С.М. Широкогоров, вводя понятие *психоментального комплекса*, который представляет собой множество свойственных этносу образцов поведения и мышления (в том числе множество общих представлений и ценностных убеждений, а также поведенческие и мыслительные диспозиции)¹¹. Не будучи этнологами, мы всё же решимся предположить, что объяснения через этнос могли бы составить целый класс самостоятельных и по-настоящему интересных объяснений и сделать важный вклад в понимание человека и человеческого поведения.

¹⁰ Влиятельная попытка свести общественно значимые нормы к индивидуальной и коллективной выгоде представлена в работе [11]. Недостаточность такого понимания показал в своей статье Юн Эльстер [8, с. 73–91].

¹¹ Ср. [4, с. 44–45].

Заключение

Таким образом, первично показавшееся нам основательным убеждение сторонников самостоятельного существования этноса как теоретического предмета сумело не только выдержать возражения со стороны противников, но и получило дополнительное подтверждение посредством аргумента от наилучшего объяснения.

Вслед за С.М. Широкогоровым мы предположили, что разбиение человечества по этносам происходит в соответствии с наблюдаемыми признаками и образцами поведения в человеческих сообществах (общий язык, признание общего происхождения, множество общих устоев и особенностей образа жизни) и имеет естественный характер. Возражения В.А. Тишкова против существования такого теоретического предмета, как этнос, не являются специфическими, а относятся ко всем предметам, подпадающим под нечёткие понятия и изменяющимся во времени. Как мы видели, сами по себе эти возражения не представляют угрозы для идентичности, а значит, и для существования соответствующих предметов. Кроме того, существование этноса обладает большой объяснительной силой применительно к аспектам человеческого поведения и мышления, не вполне объяснимым с точки зрения индивидуальных намерений и интересов и не сводимым к социальному и политическому измерению жизни человеческих сообществ. Поэтому мы можем со всей уверенностью утверждать, что в наши дни этнос продолжает существовать не менее реально, чем на протяжении всей предшествующей письменной истории человечества.

Литература

1. Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 457–499.
2. Винер Б.Е. Формы этничности, бывает ли у этноса сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 2. С. 142–164.
3. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.
4. Кузнецов А.М. Антрополог Российской академии наук Сергей Михайлович Широкогоров // Личность. Культура. Общество. 2003. № S1–2. С. 23–57.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
6. Тишков В.А. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Социология и социальная антропология. 2001. № 4. С. 5–36.
7. Широкогоров С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / Отв. ред. А.М. Кузнецов, А.М. Решетов: В 2-х кн. Книга вторая. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 148 с.
8. Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // Thesis. 1993. № 3. С. 73–91.
9. Engel P. Épistémologie pour une marquise. Paris: Ithaque, 2011. 184 p.
10. Essler W.K. Wissenschaftstheorie. Bd. IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg; München, 1979. 260 p.
11. Lewis D. Convention: a philosophical study. Oxford: Blackwell, 1986. 225 p.
12. Okasha S. Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.

References

1. Borukhovich V.G. The scientific and literary relevance of Herodotus // Herodotus. The histories: in nine books. Transl. and notes by G.A. Stratanovskiy. Leningrad: Nauka, 1972. P. 457–499. (In Russ.).
2. Wiener B.E. Forms of ethnicity, possibility of essences among ethnoses, and what supporters of academician Bromley can take from new theories // The journal of sociology and social anthropology. 2005. No. 2. P. 142–164. (In Russ.).
3. Gumilev L.N. Ethnogenesis and the biosphere of Earth. Saint Petersburg: Crystal, 2001. 640 p. (In Russ.).
4. Kuznetsov A.M. Sergey Mikhaylovich Shirokogorov: an anthropologist from the Russian Academy of Sciences // Person. Culture. Society. 2003. No. S1–2. P. 23–57. (In Russ.).
5. Tishkov V.A. A requiem for the ethnos: studies in social and cultural anthropology. Moscow: Nauka. 544 p. (In Russ.).
6. Tishkov V.A. Interview with professor Valeriy Tishkov // The Journal of sociology and social anthropology. 2001. № 4. P. 5–36. (In Russ.).
7. Shirokogorov S.M. Ethnographic studies: Ethnos. Inquiry into the principles of change of the ethnic and ethnographic phenomena / Ed. by. A.M. Kuznetsov, A.M. Reshetov: in two books. Book two. Vladivostok: Far

East State University Publishing, 2002. 148 p. (In Russ.).

8. Engel P. Epistemology for a Marquise. Paris: Ithaca, 2011. 184 p. (In Fren.).
9. Essler W.K. Philosophy of science. Vol. IV: Explanation and causality. Freiburg; Munich, 1979. 260 p. (In Germ.).
10. Essler W.K. Wissenschaftstheorie. Bd. IV: Erklärung und Kausalität. Freiburg; München, 1979. 260 p.
11. Lewis D. Convention: a philosophical study. Oxford: Blackwell, 1986. 225 p.
12. Okasha S. Philosophy of science: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. 140 p.



Максим Евгеньевич БУЛАНЕНКО, канд. филос. наук, доцент кафедры философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: maxim.bulanenko@gmail.com

Андрей Владимирович ПОПОВКИН, канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Maxim E. BULANENKO, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: maxim.bulanenko@gmail.com

Andrey V. POPOVKIN, Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 30.01.2023

Одобрена после рецензирования

(Approved) 27.02.2023

Принята к публикации

(Accepted) 07.03.2023